

Научная статья

УДК 81'374; 81'342

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-5-18

Фонетическая терминология М. В. Ломоносова в немецких переводах (на материале «Российской грамматики» и ее немецкого перевода) *

Андрей Владимирович Иванов

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н. А. Добролюбова

Нижний Новгород, Россия

aivan@lunn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

Аннотация

Статья посвящена изучению разделов «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, в которых описывается фонетический строй русского языка, включая сегментный и супraseгментный уровни, и соответствующих разделов в немецком переводе этой грамматики, выполненном Иоганном Ставенхагеном в 1764 г. Основной целью изучения этих текстовых источников является отбор фонетической терминологии, используемой Ломоносовым, и ее сопоставление в структурно-семантическом аспекте с немецкой терминологией в целях установления соответствия предложенных Ставенхагеном переводческих решений авторским интенциям в терминологической сфере. Актуальность работы определяется тем, что в настоящее время практически отсутствуют исследования сопоставительного характера, посвященные изучению терминологии и метаязыка параллельных текстов грамматики Ломоносова и ее перевода на немецкий язык. В фокусе интереса отечественных лингвистов оказывается прежде всего оригинальный русский текст, изданный в 1755 г., описанию и анализу которого посвящено большое количество публикаций, а также историко-лингвистический аспект создания немецкой версии грамматики Ломоносова. Основными методами исследования выступают методы структурного и семантического анализа лексики, методы дефиниционного и сравнительно-сопоставительного анализа. В ходе исследования отобранной русской лексики выявляются пять тематически различных терминологических групп: 1) термины, характеризующие супraseгментный уровень высказывания (интонация и просодия); 2) термины, номинирующие органы артикуляции; 3) термины, используемые для классификации гласных и согласных звуков; 4) термины графики и орфографии; 5) единицы членения речи. Основную ее часть формируют терминологические единицы, которые встречаются в ранее опубликованных грамматических трактатах. Меньшая ее часть представляет собой авторскую терминологию, введенную в научный обиход самим Ломоносовым. Ставенхаген при переводе «Российской грамматики», как правило, прибегал к буквальному переводу фонетических терминов, используемых Ломоносовым, и в некоторых случаях к описательному способу передачи семантики отдельных русских терминов, сообразуясь с нормами немецкого языка своего времени. Сопоставительный анализ терминов позволяет выявить в русской и немецкой фонетических терминологиях ряд орфографических и морфологических дублетов, причиной использования которых явилось стремление как автора, так и переводчика сделать текст грамматики более понятным читателю.

Ключевые слова

«Российская грамматика», Ломоносов, «Rußische Grammatick», Ставенхаген, фонетическая терминология, немецкий перевод, сопоставительный анализ

Для цитирования

Иванов А. В. Фонетическая терминология М. В. Ломоносова в немецких переводах (на материале «Российской грамматики» и ее немецкого перевода) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 5–18. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-5-18

* Статья подготовлена по материалам доклада, сделанного на Всероссийской научной конференции «Развитие научного и художественного перевода и литературы народов России: от Ломоносова до наших дней», посвященной 310-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, прошедшей в рамках Года науки и технологий в России (Архангельск, САФУ, 18–20 ноября 2021 г.).

M. V. Lomonosov's Phonetic Terminology in German Translations (Exemplified by the Material of "Russian Grammar" and Its German Translation)

Andrey V. Ivanov

Nizhny Novgorod Linguistics University
Nizhny Novgorod, Russian Federation
aivan@lunn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

Abstract

The article concerns the study of M. V. Lomonosov's "Russian Grammar" sections which describe the phonetic structure of the Russian language, including segmental and suprasegmental levels, as well as the corresponding paragraphs in the German translation of this grammar made by Johann Stavenhagen in 1764. The main purpose of studying these text sources is selection of phonetic terminology used by Lomonosov and its comparison with German terminology in the structural and semantic perspective to establish conformity between Stavenhagen's translation solutions and the author's intentions in the terminological sphere. The relevance of the work is determined by the fact that at present there are practically no comparative studies devoted to the study of Lomonosov's grammar and its translation into German in terms of parallel text metalanguage. Russian linguists have mostly focused on the original Russian text published in 1755, plenty of publications being concerned with its description and analysis, as well as with the historical and linguistic aspect of the German version of Lomonosov's grammar design. The main research methods are those of vocabulary structural, semantic, definitional, and comparative types of analysis. While studying the selected Russian vocabulary, we have identified five thematically different terminological groups: 1) terms characterizing the suprasegmental level of utterance (intonation and prosody), 2) terms nominating articulation organs, 3) terms used to classify vowels and consonants, 4) terms of graphics and orthography, 5) units of articulation. Terminological units found in previous grammatical publications make up its main part. The author's terminology, introduced for scientific use by Lomonosov himself appear to be a smaller part of the selected vocabulary. When translating the "Russian Grammar", Stavenhagen primarily resorted to literal translation of phonetic terms employed by Lomonosov, and in some cases to a descriptive way of conveying the semantics of certain Russian terms in accordance with the norms of the German language of that time. A terminological comparative analysis allows identifying a number of orthographic and morphological doublets in the Russian and German phonetic terminological systems. The use of doublets agrees with the author's and translator's wish to make a grammar text more understandable to the reader.

Keywords

"Russian Grammar", Lomonosov, "Rußische Grammatick", Stavenhagen, phonetic terminology, German translation, comparative analysis

For citation

Ivanov, A. V. M. V. Lomonosov's Phonetic Terminology in German Translations (Exemplified by the Material of "Russian Grammar" and Its German Translation). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 5–18. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-5-18

Цель, задачи и методы исследования

Цель предпринятого исследования – выявление вклада «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, с одной стороны, в создание упорядоченного свода информации о фонетическом строе русского языка и в становление русской фонетической терминологии, с другой. Важное место занимает сопоставление русского оригинала Ломоносовской грамматики с ее немецким переводом, выполненным Иоганном Ставенхагеном с целью установления соответствия предложенных Ставенхагеном переводческих решений авторским интенциям в терминологической сфере.

Основной задачей исследования является тематизация отобранных из «Российской грамматики» методом сплошной выборки фонетических и орфографических терминов и их немецких эквивалентов из текста перевода Ставенхагена, структурный и семантический анализ русских и немецких терминологических номинаций в сопоставительном аспекте.

В качестве методов исследования использовались методы структурного и семантического описания и анализа лексики, методы дефиниционного и сравнительно-сопоставительного анализа.

1. Характеристика источников исследования

Источниками сравнительного исследования послужили издание «Российской грамматики» Ломоносова 1755 г. и выполненный архивариусом Российской академии наук Иоганном Ставенхагеном (Стафенгагеном) немецкий перевод этой грамматики, который был опубликован в 1764 г. Ставенхаген работал над переводом с января 1757 г. и, по-видимому, до осени 1763 г., когда перевод был сдан в набор. Книга напечатана в количестве 1 225 экземпляров, часть которых была приобретена немцами, живущими в России; значительная часть тиража отправлена в Германию [Научное наследство, 1948, с. 48; Grasshoff, Lehmann, 1968, S. 335]. Переводное издание сохранилось в удовлетворительном состоянии в университетской библиотеке Марбурга и стало доступно исследователям после опубликования его факсимильной версии в 1980 г. издательством «Otto Sagner Verlag» в серии «Specimina Philologiae Slavicae» (Band 27). Издатели не подвергают сомнению научно-теоретическую ценность грамматики, справедливо полагая, что она представляет собой первый упорядоченный свод грамматической и иной информации о русском языке. В перспективе они планировали издать дополнительный том, который включал бы статьи с результатами исследований научного наследия Ломоносова, поскольку этот русский ученый заслуживает, с их точки зрения, гораздо большего, чем просто одностороннее предисловие к переизданию немецкого перевода его грамматики [Freidhof, Scholz, 1980].

До середины XX в. считалось, что «Российская грамматика» Ломоносова была первой грамматикой русского языка, однако изыскания, предпринятые Б. А. Успенским, дали возможность сделать вывод о значимости доломоносовского периода отечественной русистики, ведущими представителями которого выступили В. Е. Адодуров, В. К. Тредиаковский и В. Н. Татищев. Работы этих ученых «подготовили почву для появления грамматики Ломоносова... в значительной степени предвосхитили последующую демократизацию русского литературного языка» [Успенский, 1975, с. 5].

Перевод Ломоносовской грамматики был не первым опытом, знакомившим немецкого читателя с грамматическим строем русского языка. В 1733 г. опубликован грамматический трактат Василия Адодурова «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache», а в 1745 г. увидела свет двуязычная «Teutsche Grammatica» Мартина Шванвица. Спустя 19 лет появился перевод «Rußische Grammatick» Ставенхагена, начато издание «Rußische Sprachlehre» Августа Людвиг Шлёцера, которое, однако, так и не увидело свет в полном виде из-за противодействия Ломоносова, открывшего, по замечанию С. К. Булича, «целый поход» как против этой грамматики вообще, так и против «наглого иноземца» в частности [Булич, 1904, с. II].

Перевод грамматики на немецкий язык осуществлялся под присмотром («смотрѣніемъ») автора, который сам делал редакторскую правку и передавал ее переводчику. Тем не менее, как отмечает В. Н. Макеева, перевод не избег погрешностей, и не по вине Ломоносова, который превосходно владел немецким языком. Она объясняет их причинами технического характера: Ставенхаген, по-видимому, передавал свой перевод в типографию частями [Макеева, 1961, с. 60], не всегда сопоставляя терминологию перевода с терминологией оригинала. Тем не менее, в целом немецкий перевод в содержательном отношении обнаруживает мало отличий от русского оригинала. Это позволяет сопоставить русский и немецкий тексты, в том числе и в аспекте перевода русской фонетической терминологии, которой пользовался Ломоносов.

2. Материал исследования и критерии отбора

Материалом исследования послужили:

1) 100 моноксемных и составных русских терминов фонетики, графики и орфографии, отобранных методом сплошной выборки. В состав анализируемой терминологии прежде всего включались номинации, которые и сейчас входят в терминосистему лингвистики, вне зависимости от того, каким терминологическим статусом они обладали в грамматике Ломоносова. Учитывалась также та авторская терминология и лексика, которая встречается в трудах последователей и продолжателей лингвистических традиций Ломоносова, но не прижилась в терминологии фонетики¹;

2) 111 моноксемных и составных немецких терминов фонетики, графики и орфографии, взятых из текста «*Rußische Grammatick*» в переводе Ставенхагена. В это число не вошли немецкоязычные квазитерминологические номинации, созданные на основе переводческого перефразирования, т. е. экспликации семантики терминов, предложенных Ломоносовым, при которой русская терминологическая единица заменяется определением описательного характера, эксплицирующим ее значение, объясняющим его на переводящем (немецком) языке (далее – ПЯ). Эта русская терминология также является объектом предметного анализа, однако в разделах статьи, освещающих специфику ее перевода на немецкий язык, приходится говорить лишь об экспликации как о лексико-грамматической переводческой трансформации.

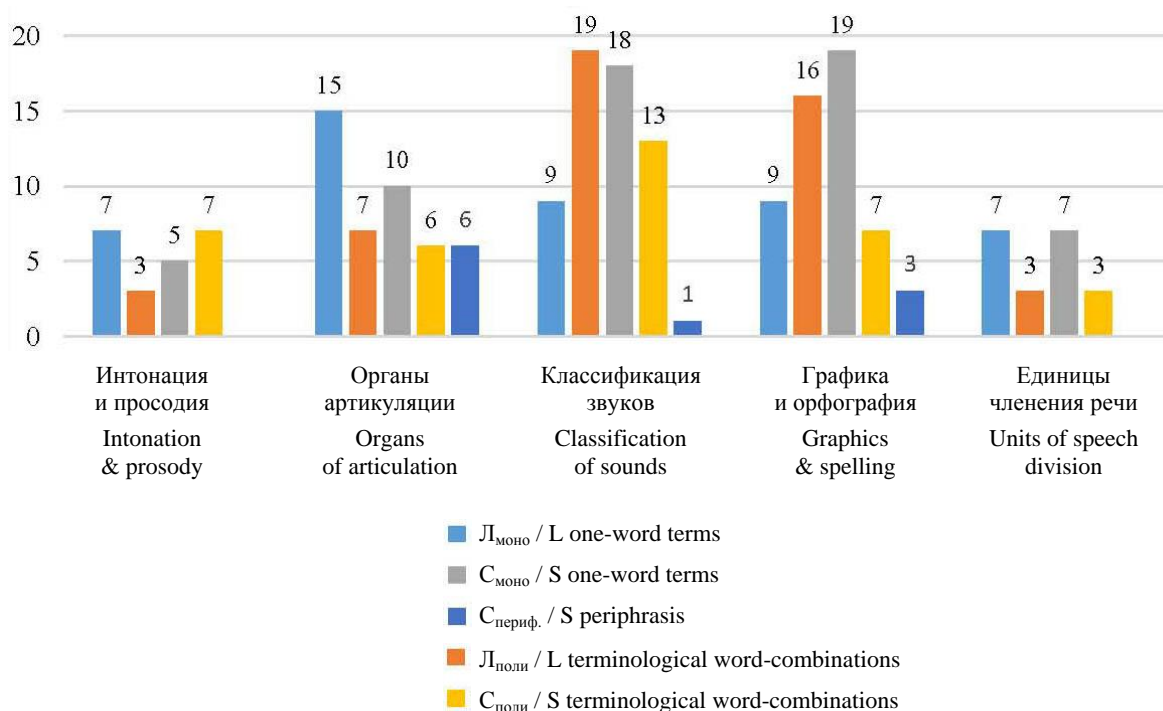
Что касается «экзотической» терминологии, то она в немецком переводе практически не встречается. Упомянутая в сноске губная согласная у Ставенхагена передается вполне терминологичным словосочетанием *der stumme Buchstabe*, но сопровождается пояснением: «...welcher in Rußland gebraucht wird, die Pferde stille stehen zu machen, oder aufzuhalten» [Ломоносов, 1764, С. 10]. Можно спорить об адекватности такого перевода, если учесть, что термин *stummer Laut* сейчас трактуется в фонетике как (1) сохраняющийся в силу традиции в орфографии, но не произносимый, звук, и (2) глухой смычный согласный (*consonans muta*), не произносимый без опоры на гласную [Bußmann, 2002, S. 454; Ахманова, 2004, с. 260], но в терминологичности этому варианту перевода отказать трудно.

Различие в количестве русских и немецких терминов не следует в нашем случае связывать с произволом переводчика; оно объясняется тем, что в отдельных случаях одному русскому термину могут соответствовать два и более немецких термина, и наоборот.

Полилексемные термины не членились на составные элементы, что, несомненно, привело бы лишь к искусственному увеличению общего количества терминов. Характеризуя корпус по частеречному критерию, мы ограничились общей констатацией, что подавляющее большинство однословных терминов относится к разряду существительных. При этом группа моноксемных русских терминов насчитывает 52 единицы, немецких – 64, группа составных терминов включает 48 русских и 37 немецких номинаций, 10 немецких терминов образованы перифрастическим способом, т. е. путем экспликации семантики русского термина.

Ниже приводится диаграмма, наглядно показывающая количественное соотношение исследуемой терминологии, которой пользовались Ломоносов (Л) и Ставенхаген (С), в аспекте ее структуры и с распределением ее по тематическим группам.

¹ Например, гласные острые, тупые, дебелие, безгласные, двугласные явственные и потаенные и т. п. Значительная часть этой лексики не относилась к разряду конвенциональных терминологических номинаций и включала, в числе прочего, терминологические экзотизмы вроде губной согласной, «которую для остановления конскаго произносить» [Ломоносов, 1755, с. 17].

Анализ структуры терминов
в «Российской грамматике» Ломоносова и «Rußische Grammatik» Ставенхагена
Analysis of the term structure
in Lomonosov's "Russian Grammar" and in Stavenhagen's "Rußische Grammatik"

Объединение терминологии фонетики, графики и орфографии в общий список обусловлено смешением во времена Ломоносова некоторых собственно фонетических сущностей с отображающими их графическими знаками. В частности, тогда не проводилось еще строгого различия между звуком и буквой, что зачастую приводило к неразличению этих понятий. Несмотря на относительную оформленность учения о просодии с опорой на античные образцы, интонационно-просодические характеристики речи описывались непоследовательно. К примеру, не делалось различия между ударением в фонетическом аспекте и ударением по отношению к различным единицам языка, отсутствовало четкое отграничение ударения как элемента просодии от диакритических знаков, обозначавших различные его виды [Иванов, 2021, с. 53]. В силу смешения во времена Ломоносова понятий письменного языка и звучащей речи не сложилась и номенклатура терминологических единиц, обслуживающих соответствующие понятийные сферы.

3. Результаты и обсуждение

Недостаточная разработанность, отсутствие внутри- и межъязыковой гармонизации и унификации понятийного и терминологического аппарата лингвистики, свойственные европейскому языкознанию описываемого периода, не могли не отразиться на переводах грамматических трактатов, включая как более, так и менее удачные варианты передачи встречающихся в них терминов средствами ПЯ.

Представляется поэтому логичным описать и обсудить результаты сравнительно-сопоставительного анализа отобранной лексики, сообразуясь с тематическим принципом ее классификации. Практически весь лексический материал за некоторым исключением может быть распределен по пяти группам: 1) термины, характеризующие супrasegmentный уровень

высказывания (интонация и просодия); 2) термины, номинирующие органы артикуляции; 3) термины, используемые для классификации гласных и согласных звуков; 4) термины графики и орфографии; 5) единицы членения речи. Шестую (факультативную) группу формирует нетематизированная лексика, которая имеет опосредованное отношение к фонетике и графике; она не может быть отнесена к какой-либо из выделенных выше групп и не является здесь объектом обсуждения и анализа.

3.1. Интонационно-просодические характеристики высказывания

В эту группу лексики входят 10 терминологических единиц, обозначающих интонационно-просодические и иные произносительные характеристики высказывания. Модуляции голосового тона описаны Ломоносовым как совокупность так называемых «отмен» [Ломоносов, 1755, с. 13], т. е. изменений или модификаций (в терминологии Ставенхагена – «Veränderungen»). К ним относятся *выходка*, *напряженіе*, *протяженіе* и *образование*, которые последовательно переводятся Ставенхагеном как *Erhöhung* (Elevatio), *Druck oder Spannung des Tons* (Intensio), *Ausdehnung des Tons* (Extensio), *Bildung des Lauts* (Repraesentatio) [Ломоносов, 1764, С. 4]. Каждый немецкий термин сопровождается латинским эквивалентом в целях соотнесения его с широко применявшейся в то время греко-латинской терминологией, созданием которой лингвисты обязаны античным авторам – Исократу (elevatio vocis), Квинтилиану (intensio), Цицерону (intentio vocis) и др.

Выходка в трактовке Ломоносова обозначает модуляции голосового тона, его «возношеніе» и «опущеніе» (в современной немецкой терминологии – Tonhöhe), поэтому эквиваленты *Erhöhung* и *elevatio* только частично передают семантику русского термина. Отсутствующий элемент в его семантике восполняется благодаря толкованию термина *удареніе*, под которым Ломоносов понимает «разность возвышенія и униженія, когда въ реченіи одинъ складъ или два выше другихъ голосомъ восходятъ» [Ломоносов, 1755, с. 21]. Терминологическое сочетание *униженіе голоса* Ставенхаген переводит в этом толковании как *Tiefe der Stimme*, что с современной точки зрения точнее можно было бы передать терминами *Stimmensenkung* и *Tonsenkung*.

Термин *напряженіе* характеризуется «громкостію и тихостію» голоса («Stärke und Schwäche») и соотносится с современными фонетическими терминами *интенсивность*, *напряжение* и *сила* (в немецкой терминологии – Intensität, Spannung, Stärke).

Термин *протяженіе*, который «долготою и краткостію... различія въ голосѣ производить» (у Ставенхагена: «Ausdehnung [der Stimme] durch ihre Länge oder Kürze»), позволяет охарактеризовать высказывание в аспекте его временной протяженности, иначе говоря, соотнести этот термин Ломоносова с количеством и длительностью (Quantität и Dauer).

Семантическая аморфность и неясность термина *образование* применительно к голосу устраняется благодаря следующему пояснению Ломоносова: «Образованіе состоитъ въ отмѣнахъ гóлоса, которыя отъ повышенія, напряженія и протяженія не зависятъ. Такія измѣненія примѣчаемъ въ сиповатомъ, звонкомъ, тупомъ и въ другихъ голосахъ разныхъ» [Там же, с. 13]. У Ставенхагена читаем: «Die Bildung des Lauts besteht in der Verschiedenheit der Stimme, welche jedoch weder von der Erhöhung, noch der Spannung des Tons, noch auch von der Ausdehnung derselben abhänget. Eine solche Verschiedenheit bemercken wir in der heiferen, hellklingenden, dumpfigen und verschiedenen andern Arten von Stimmen» [Ломоносов, 1764, С. 5]. Далее Ломоносов расширяет толкование этого термина, включая в его семантику значение «манера говорения или произнесения»: «...слóва человѣческаго выговоръ, какъ видъ онаго, которымъ голосъ различно измѣняется, и съ голосами разныхъ животныхъ и бездушныхъ вещей себя въ умѣ представляетъ» [Ломоносов, 1755, с. 14]. Ставенхаген переводит это значение как «Ausſprache der Buchſtaben, als eine Art derselben, wodurch die Stimme auf verschiedene Weise verändert wird...» [Ломоносов, 1764, С. 6]. Учитывая предложенное Ломоносовым толкование, термин *образование* можно соотнести с термином *тембр голоса* (совр. нем. Stimmklangfarbe).

В состав описываемой группы терминологических номинаций помимо упомянутых терминов включены также *звон* (Ton²) в значении ‘звучание’ (Laut, Lautung), *пренесеніе ударенія* (*Verfetzung des Accents*) в значении ‘перемещение ударения (в слове)’ и *удареніе* (словесное ударение). Для последнего термина в переводе Ставенхагена обнаруживаются три эквивалента: *Accent*, *Nachdruck* и *Stoß*. Самому Ломоносову был хорошо известен заимствованный термин *акцент*, который он употреблял как минимум в двух значениях: ‘ударение в слове’ и ‘диакритический надстрочный знак, обозначающий ударение’ [Иванов, Иванова, 2021], однако предпочтение он отдавал всё же исконному термину.

Все три немецких термина употребляются Ставенхагеном в одном значении и могут рассматриваться как синонимы; ср.: «Durch den Unterscheid der Höhe und Tiefe der Stimme einsteht der Stoß oder Accent; da in einem Worte eine oder zwey Sylben eine höhere Stimme erhalten» [Ломоносов, 1764, С. 16]; «Damit man die Sylben, die mit einem Nachdruck oder Accent ausgesprochen werden von denen unterscheiden möge, die keinen Accent haben, so setzen die Griechen auf ihre Wörter Striche oder andere Zeichen...» [Ibid., С. 17]. Наличие синонимов в переводе, по мнению Григорьевой, объясняется тем, что Ставенхаген «ориентировался на немецкого читателя и таким образом стремился облегчить понимание не только самого текста, но и содержащейся в нем терминологии с учетом ее еще не устоявшегося характера» [Григорьева, 2014, с. 39].

3.2. Органы артикуляции

Эту группу образуют 22 русских термина различной структуры, которые именуют подвижные и неподвижные органы артикуляции (в терминологии Ломоносова – «части органическія»). Большая их часть с некоторыми модификациями вошла в современную терминосистему фонетики русского языка, поскольку названия элементов, формирующих артикуляционный аппарат, в основном взяты из анатомической терминологии. Практически все русские термины и их немецкие эквиваленты обладают идентичной структурой, поскольку Ставенхаген ожидаемо переводил их дословно. Ср.: *гортань* – *Kehle*, *зубы* – *Lippen*, *движеніе органовъ* – *Bewegung der Organe*, *зубы* – *Zähne*, *нёбо* – *Gaumen*, *положеніе органовъ* – *Stellung der Organe*, *органъ* – *Organ*, *стремление воздуха* – *Druck der Luft* (давление, создаваемое потоком воздуха в процессе звукообразования, поток воздуха; совр. нем. *Luftdruck*), *трясеніе* – *Zittern* (вибрация или дрожание язычка при произнесении язычкового «р»), *удареніе* – *Stoß* (ein schneller Nachdruck unferer organischen Theile) (разновидность движения частей рта или «крутое разведеніе частей органическіхъ», т. е. резкое выдыхание воздуха из гортани при произнесении заднеязычного «г»), *устроенные для выговору органы* – *zum Sprechen erschaffene Organe oder Werckzeuge* (совр. нем. *Sprechorgane*), *части рта внутреннія* – *innere Theile des Mundes* (органы артикуляции в задней части ротовой полости), *части рта переднія* – *äußere Theile des Mundes* (органы артикуляции в передней части ротовой полости), *языкъ* – *Zunge*, *язычекъ* – *Zäpflein* (совр. нем. *Zäpfchen*).

Семантику отдельных терминов Ломоносова Ставенхаген передавал описательно, трансформируя при этом структуру исходного русского предложения. По этой причине однословный переводной эквивалент термина с сохранением его частеречной принадлежности в тексте перевода зачастую отсутствует, а его семантика передается простыми или придаточными предложениями. Ср.: «Состояніе частей ротъ составляющихъ, въ произношеніи согласныхъ, есть *расположеніе* или *движеніе*...» [Ломоносов, 1755, с. 18]. У Ставенхагена читаем: «Bey der Aussprache der Mitlauter nimt der Mund zweyerley Stellungen an; nemlich *er wird* entweder nur *geöffnet*, oder *selbst beweget*...» [Ломоносов, 1764, С. 12]. «Разныя положенія всего рта,

² Термин *Ton* Ставенхаген использует также как эквивалент термину *выговор* в значении ‘произнесение’: «Bey Vorlesung eines Buchs aber, oder wenn man eine Rede hält, muß so viel möglich der eigene Ton eines jeden Buchstaben beybehalten werden» [Ломоносов, 1764, С. 62] при переводе Ломоносовского текста: «[Сіе произношеніе] въ чтеніи книгъ и въ предложеніи рѣчей изустныхъ къ точному выговору буквъ склоняется» [Ломоносов, 1755, с. 49].

а особливо *расширеніе, стисненіе, округленіе и протяженіе* производятъ разныя отѣны образовательныя...» [Ломоносов, 1755, с. 16]. У Ставенхагена: «Die verschiedene Stellung des Mundes, besonders *wenn wir denselben zusammen ziehen, breit oder rund machen, und weit auseinander dehnen*, verurfachet auch die Verschiedenheit der Töne...» [Lomonoſow, 1764, S. 9].

3.3. Классификация гласных и согласных звукотипов

В эту группу вошли 28 русских терминологических номинаций, в основном характеризующих гласные и согласные звукотипы по месту и по способу образования.

Как уже говорилось, во времена Ломоносова не проводилось строгого различия между буквой как письменным знаком и звуком, передаваемым этим знаком на письме, хотя Ломоносов, несомненно, отдавал себе отчет в том, что между буквой и звуком существует концептуальное различие. Отсюда возникали попытки связать буквы с положением органов артикуляции при произнесении соответствующих звуков: «Таковыя нераздѣлимые части слова изображаются по ихъ разности различными начертаніями, которыя называются по нашему *буквы*. Различность ихъ присходитъ от разности органовъ, отъ разнаго ихъ положенія и движенія» [Ломоносов, 1755, с. 15]. У Ставенхагена этот пассаж переведен так: «Diese unzertrennlichen Theile eines Wortes, werden nach ihrer Verschiedenheit durch verschiedene Figuren abgebildet, und Buchstaben genennet. Ihr Unterscheid entsteht aus den mancherley Organen, und aus deren unterschiedenen Stellung und Bewegung» [Lomonoſow, 1764, S. 7–8]. По этой причине термин *буква* (*Buchstabe*) входит как в описываемую группу лексики, так и в группу терминов графики и орфографии.

Терминам [*буква*] *гласная* и *самогласная*, последний из которых является очевидной калькой немецкого термина *Selbstlaut*, у Ставенхагена соответствует целый синонимический ряд: *lauter Buchstabe*, *Lautbuchstabe*, *Selbstlaut*, *Vocal*. Эти термины не демонстрируют каких бы то ни было различий в семантике и свидетельствуют разве что об извечной склонности немецких лингвистов к чистоте языка, обусловившей обязательное изобретение синонима из своегоязычного материала к словам греко-латинского происхождения. Это же замечание касается и терминов *Consonant* и *Mitlauter* (структурная калька) как эквивалентов, сопоставляемых русскому термину *буква согласная*.

Гласные Ломоносов делит на монофтонги, дифтонги и трифтонги, причем все они, по его мнению, свойственны вокализму русского языка. Монофтонги он классифицирует в зависимости от направления потока воздуха в ротовой полости к тому или иному органу артикуляции в процессе произнесения гласного: *гласная дебелая* (= *гласная тупая*), *гласная острая* (= *гласная тонкая*). Язык Ломоносов вообще не рассматривает как подвижный артикуляционный орган, положение которого могло бы определять специфику произнесения гласных звуков. Ставенхаген так переводит эти термины: *dicker Vocal*, *scharfer Vocal*, *dünner Vocal*, *stumpfer Vocal* [Ibid., S. 9]. Критерий классификации монофтонгов у Ломоносова носит, как видим, размытый характер: «Въ продолженіе гóлоса ударяетъ воздухъ больше въ переднія части рта къ губамъ; или во внутреннія къ гортани. Отъ перваго происходятъ гласныя тонкія или острыя, отъ послѣднихъ дебелыя или тупыя» [Ломоносов, 1755, с. 16].

К дифтонгам, которые Ломоносов называет *двугласными* и *двоегласными* (устаревшая терминология, относимая к орфографическим дублетам и ныне обозначаемая в лингвистических словарях с помощью астериска), он относит сочетания гласных с кратким «й». В зависимости от места, которое краткий «й» занимает в этом сочетании, двугласные, в его представлении, делятся на *потаенные* и *явственные*. К первым он относит сочетания, в которых краткий «й» предшествует гласной. Иначе говоря, речь идет о йотированных гласных типа «я», «ю» и т. п. В сочетаниях второго типа краткий «й» следует за гласной, это позволяет говорить о том, что речь здесь идет о квазидифтонгических сочетаниях звуков или ложных, но не истинных дифтонгах (например, «ай», «ой» и др.).

Ставенхаген передает упомянутые терминологические наименования следующим образом. Для дифтонгов он использует синонимы *Doppellaut* (diphthongus), *Zweylaut*, *doppelte*

fehflautende Buchstaben. Если первые два термина традиционно используются для передачи русского термина *дифтонг*, то последний носит экспликативный (и при этом неточный) характер, поскольку к «удвоенным гласным буквам» могут быть отнесены сочетания любых двух гласных, в том числе и случаи простого удвоения гласных. Ср. с его же переводом термина *буква усугубленная*, т. е. удвоенная: «Buchstabe, der doppelt auf einen andern folget» [Ломоносов, 1764, S. 64]. Типы доегласных Ставенхаген переводит соответственно как *undeutlicher Zweylaut (Doppellaut)* и *deutlicher Zweylaut (Doppellaut)*, учитывая фактическое наличие или отсутствие краткого «й» в составе сочетаний гласных.

К трифтонгам или *троегласным (Dreylaut)* Ломоносов относит сочетания гласных, образуемые «отъ потаенныхъ двоегласныхъ... когда имъ слѣдуетъ Й краткое...» [Ломоносов, 1755, с. 45].

В сфере русского консонантизма Ломоносов выделяет группы согласных, используя классификационный критерий «разделение по органамъ» («Eintheilung der Buchstaben nach unfern Organen»): *губные (Lippen-Buchstaben. Labiales)*, *язычные (Zungen-Buchstaben. Linguales)*, *зубные (Zahn-Buchstaben. Dentales)*, *поднебные (Gaumen-Buchstaben. Litterae Palati)*, *горланные (Kehl-Buchstaben. Litt. Gutturales)*. Ставенхаген дает дословный перевод этих терминов, также сопровождая его латинскими эквивалентами.

По критерию твердости / мягкости Ломоносов делит согласные на три группы: *согласные мягкие* (с орфографическим вариантом: *согласные мяжкие*), *согласные твердые* и *согласные плавные*, которые «для того плавными названы, что послѣ твердыхъ плавнѣе произносятся, нежели другія...» [Там же, с. 45]. Критерий выделения последней группы носит несколько расплывчатый характер, однако понятно, что в нее традиционно входят сонорные, а также согласный «в». Ставенхаген предлагает следующие варианты перевода: 1) *weiche Mitlauter*, 2) *harte Mitlauter*, 3) *fließende Mitlauter, Halblauter*. Последние два термина используются для номинации плавных согласных (*liquidae*). Сомнительным вариантом перевода с современной точки зрения представляется номинация *Halblauter*, поскольку она является калькой с лат. *semivocalis*, используемой для обозначения полугласных, однако ее появление в качестве синонима вполне объяснимо, если учесть такое качество плавных, как звучность. Это качество традиционно отмечалось еще в доломоносовских грамматиках. В частности, у Копиевича находим: «Полугласнаа есть таже гласъ имать гласнѣишыи...» [Kopiewitz, 1700]. Эта номинация была частотна в то время в составе словосочетания «нѣмыа и полугласныа», являющегося переводом латинского «*muta cum liquidis*».

Кроме того, в состав согласных букв Ломоносов включает группу *измѣняемыхъ* согласных (*veränderliche Mitlauter*), которые называются так «за тѣмъ что въ произведеніяхъ, и спряженіяхъ изменѣніямъ подвержены: *Богъ, Божество, божусь...*» [Ломоносов, 1755, с. 45]. Под изменяемыми Ломоносов имеет в виду чередующиеся согласные (в однокоренных словах с историческим чередованием в корне), которые на современный немецкий язык переводятся как *alternierende (wechselnde) Laute*.

Последнюю группу согласных формируют буквы *безгласные* или *непроизносимые*, т. е. не имеющие звукового выражения («ъ», «ь»). Ставенхаген переводит их название описательно, сохраняя семантику русского термина за счет использования предложной группы: *Buchstabe ohne Laut*. Гипотетический, и в структурном отношении более простой, вариант перевода **lautloser Buchstabe* он не использует. Этот термин вошел в употребление задолго до Ломоносова и встречается в 1591 г. в львовском издании «Адельфотиса» [Horbatsch, 1973, S. 9], в 1638 г. и позднее у Смотрицкого [Horbatsch, 1977, S. 2].

3.4. Термины графики и орфографии

Эта группа включает 25 терминов, номинирующих знаки препинания, диакритические знаки и др., которые Ломоносов делит на две группы: «Кромѣ буквъ, въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ, ставятъ при нихъ разные знаки, въ строкахъ и надъ строками: и для того первые называются *строчными*, другіе *надстрочными знаками*» [Ломоносов, 1755, с. 51].

Эту терминологию Ставенхаген передает как *nebenstehende Zeichen* и *überstehende Zeichen* [Ломоносов, 1764, S. 65–66]. В группу строчных знаков включаются *запятая* (*Strichlein comma*), *точка* (*Punct punctum*), *две точки* (*Doppelpunct colon*), *точка с запятой* (*Strichpunct semicolon*), *вопросительный знак* (*Frage-Zeichen signum interrogandi*), *удивительный знак* (*Verwunderungs-Zeichen signum exclamandi*), *единительной или единитный знак* (*Bindezeichen, Verbindungs-Zeichen signum diaeroeseos*), *вмѣстительной знак* (*Einschließungszeichen, das einschließende Zeichen parenthesis*). Некоторые термины, как видим, имеют морфологические дублиеты, для которых характерно соотношение с одним и тем же понятием, тождество корня, вариативность словообразовательных и / или словоизменительных аффиксов [Иванов, 2004, с. 229]. Дефис у Ломоносова может называться *знаком единительным* или *единитным*, и для обоих терминов Ставенхаген подбирает различные варианты перевода. В то же время *вмѣстительной знак*, который обозначает скобки круглые или квадратные, выделяющие парентезу, Ломоносов называет одним термином, а Ставенхаген предлагает два варианта перевода, которые являются морфологическими дублиетами. Каждый строчной знак переводчик сопровождает латинским или латинизированным греческим термином, следуя традиции своего времени.

К числу диакритических знаков Ломоносов относит *скобку*, которую ставят «надъ Й краткимъ для различенія отъ И простаго» («*Häckgen*³ über й»), называемую сейчас *дужкой*, знаки ударения или черты «для показанія разной силы» («*kein Strich, zum Zeichen, wo der Accent hin kommen muß*»), *титла* (*Titla*), используемые в церковной печати для сокращенного написания слов. Номинацию *Titla* Ставенхаген передает путем транслитерации русского слова *титла* во мн. ч., не приводя немецкого эквивалента *Titel* (< лат. *titulus*), имеющего значение ‘*Schriftzeichen, Satzzeichen; Diakritikon*’, однако приводит указание на язык-источник: «*Zeichen... die... im Rußischen Titla, heißen*» [Ломоносов, 1764, S. 18].

Отдельную группу терминологических номинаций Ломоносов использует для обозначения удвоенного («усугубленного») написания букв, их опущения («выключенія»), случаев переноса, слитного или раздельного написания слов, употребления прописных и строчных букв, «стеченія» или «соединенія» букв. К таковым терминам можно отнести *усугубленіе буквъ* (*Verdoppelung der Buchstaben*), *соединеніе буквъ* в значении ‘лигатура’, ‘контракция’ (*Zusammenziehung der Buchstaben* или *contractio*), *выключеніе буквъ* (*складовъ*) в значении ‘опущение’, ‘элизия’ («*Auslassung einzelner Buchstaben oder auch ganzer Sylben*»), *сокращеніе реченій* в значении ‘аббревиация’ («*Abkürzung der Wörter (Abbreviatio)*») и др.

Инициальные буквы Ломоносов именует двояко: *буква въ началъ* (*Anfangsbuchstabe*), *буква прописная* (у Ставенхагена встречаются два варианта перевода: *Anfangsbuchstabe, großer Buchstabe*).

Некоторые термины Ставенхаген переводит описательно, не подбирая к ним специального одно-однозначного эквивалента. К таковым, к примеру, относятся *буква усугубленная*, т. е. удвоенная (у Ставенхагена: «*Buchstaben, die doppelt auf ein ander folgen*» [Ibid., S. 64]), *стеченіе* (*двухъ буквъ*) (у Ставенхагена: «*zwey Buchstaben, die beyfammen stehen*» [Ibid., S. 78]).

3.5. Единицы членения речи

Эта группа включает 10 терминов, которые описывают различные единицы членения речи, начиная от отдельного звука, который Ломоносов ассоциирует с буквой и полагает *нераздѣлимою частью слова* (*unzertrennlicher Theil eines Worts*), и заканчивая *періодомъ*

³ Именованіе *Häckgen* используется в качестве орфографического варианта слова *Häckchen* ‘крючок’ и не является терминологической инновацией Ставенхагена. Оно, к примеру, встречается в XVIII в. в сходном значении применительно к нотным записям в «*Musicalisches Lexicon, oder Musicalische Bibliothec*» Иоганна Готфрида Вальтера (статья «*Accento*»): «*Die Frantzosen [...] pflegen solche [Accenti ...] mit einem kleinen Häckgen, oder mit ganz kleinen und subtilen Nötgen (damit man die Manier von der Substantial-Note desto besser unterscheiden möge) [...] zu exprimiren*» [Walther, 1732, S. 5].

(в терминологии Ставенхагена – *Satz*) и его членами (*kleinere Sätze*). Между этими единицами располагаются *слоги* или *склады* (*Sylben*), а также *реченія*.

В грамматике Ломоносова этот последний термин обозначает единицу, занимающую промежуточное положение между слогом и словом либо приравненную к слогу или слову. Если сейчас под речением понимается словосочетание, «обладающее внутренней организованностью (цельностью) лексического, грамматического или стилистического характера» [Ахманова, 2004, с. 385], то Ломоносов считает речением «знаменательную часть слова». Логично было бы предположить, что под нею Ломоносов понимает корневую морфему, поскольку именно в ней заключено основное лексическое значение слова. Так, он пишет: «Произношеніе гóлоса въ одномъ складѣ припрягается другимъ складамъ. Таковыя сложенія производятъ оныя многоразличныя отмѣны, изъ которыхъ раждаются знаменательныя части слóва, то есть *реченія*...» [Ломоносов, 1755, с. 20]. Однако далее он приводит в качестве примеров таких речений слова, которые состоят из разного количества слогов, имеющих различный морфемный статус (словообразовательный и словоизменительный): *зе-мля*, *дне-вно-ю*, *те-пло-то-ю*, *на-грѣ-ва-ет-ся*, и называет их речениями. В другом месте своей грамматики Ломоносов утверждает, что речения «иногда состоятъ изъ одной согласной буквы съ безгласною; что только въ сочиненіи съ другими реченіями быть можетъ, когда она съ послѣдующими или съ предъидущими въ одинъ слогъ сливается...» [Там же, с. 50]. В этом случае речь идет о предлогах или частицах, часто употреблявшихся на письме слитно со словами, к которым они относились (*можнóль*, *онажѣ*). Послеломоносовские грамматики уже концептуально не различали *слово* и *реченіе*; ср. у Барсова: «Реченіе или слово есть изображеніе голосомъ, а по тому <и> буквами, одной час<т>ной мысли, состоящее изъ одного или нѣсколькихъ слоговъ» [РГ, 1981, с. 63]. Ставенхаген в своем переводе более последователен и точен, исключая *реченіе* как термин, который заслуживал бы отдельного переводческого эквивалента. В его тексте эта сомнительная с точки зрения семантики номинация передается словом *Wort* 'слово': «Die Stimme verbindet die Aussprache einer Sylbe mit andern folgenden Sylben. Diefе Verbindung verurfacht die fo mannigfaltigen Veränderungen... aus welchen die bedeutende Theile der Sprache, das ist ganze Wörter entspringen...» [Lomonoſow, 1764, S. 15].

Речения или слова характеризуются в грамматике Ломоносова с точки зрения их слоговой структуры и подразделяются на *двусложныя* (*zweyfylbiges Wort*), *трисложныя* (*dreyfylbiges Wort*), *четыресложныя* (*vierfylbiges Wort*), *пятисложныя* (*fünffylbiges Wort*) и *многосложныя* (*vielfylbiges Wort* или *vielfylbiges Wort*). Речения, в свою очередь, формируют *періодъ*, который Ставенхаген переводит как *Satz*. Термин «предложение» в грамматическом значении, который был бы здесь более уместен как интонационно и грамматически оформленная, семантически целостная единица речи, у Ломоносова не встречается. Эта номинация лексикографирована только в 1792 г. в «Словаре Академии Российской» как термин логики, под которым понимаются «два и болѣе простыхъ понятій между собою сопряженныхъ, и совершенный разумъ составляющихъ» [САР, 1792, стб. 1285].

Выводы

1. Тематизация фонетических терминов, используемых Ломоносовым в «Российской грамматике», позволяет выявить пять базовых тематических групп специальной лексики, в числе которых 1) термины, характеризующие супrasegmentный уровень высказывания (интонация и просодия), 2) термины, номинирующие органы артикуляции, 3) термины, используемые для классификации гласных и согласных звуков, 4) термины графики и орфографии, 5) единицы членения речи. Наиболее разработанными оказываются у него третья и четвертая группы лексики.

2. Анализ используемой Ломоносовым фонетической терминологии показывает, что основная ее часть заимствована из публиковавшихся ранее грамматических трактатов, поскольку, разрабатывая научные основы описания русской грамматики, Ломоносов так или

иначе опирался на работы своих предшественников. Меньшая ее часть представляет собой авторскую терминологию, введенную в научный обиход самим Ломоносовым.

3. При переводе «Российской грамматики» Ставенхаген в основном прибегал к буквальному переводу фонетических терминов, используемых Ломоносовым, а также к описательному способу передачи семантики отдельных русских терминов, сообразуясь с нормами немецкого языка своего времени.

4. Сопоставительный анализ русских единиц специальной номинации и вариантов их перевода позволяет выявить ряд орфографических и морфологических дублетов⁴ в составе как русской, так и немецкой фонетических терминосистем.

Список литературы

- Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 576 с.
- Булич С. К.** Введение // August Ludwig Schlözer. Rufzische Sprachlehre (Русская грамматика). СПб.: Имп. Академія Наукъ, 1904. С. I–IX.
- Григорьева Л. Н.** Основные линии сопоставления «Российской грамматики» М. В. Ломоносова и ее перевода на немецкий язык // XLIII Международная филологическая конференция / Под ред. А. В. Зеленщикова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. Вып. 18: Секция грамматики (романо-германский цикл). С. 34–39.
- Иванов А. В.** Метаязык фонетики и метрики: Монография. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2004. 342 с.
- Иванов А. В.** Ударение: диахронное и лексикографическое описание эволюции и обособления лингвистического термина // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 48–67. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-48-67
- Иванов А. В., Иванова Р. А.** Семантическая структура термина «акцент» и его производных в историко-этимологическом и лексикографическом аспектах // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 855–862.
- Ломоносов М. В.** Россійская грамматика. СПб.: Имп. Академія Наукъ, 1755. 213 с.
- Макеева В. Н.** История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова / Под ред. С. Г. Бархударова. М.; Л.: АН СССР, 1961. (К 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова: 1711–1961). 175 с.
- Научное наследство. Естественнo-научная серия / Под ред. С. И. Вавилов. М.; Л.: АН СССР, 1948. Т. 1. 835 с.
- РГ – «Российская грамматика» А. А. Барсова / Под ред. Б. А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.
- САР – Словарь Академіи Россійской: В 4 ч. СПб.: Имп. Академія Наукъ, 1792. Ч. 3: Отъ 3 до М. 761 с.
- Соломоновская А. Л.** К вопросу о статусе и функционировании переводческих дублетов в европейском культурном пространстве поздней Античности, Средневековья и раннего Нового времени // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 108–118. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-108-118
- Успенский Б. А.** Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики. М.: Наука, 1975. 232 с.
- Bußmann, H.** Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, Alfred Kröner Verlag, 2002, 783 S.
- Freidhof, G., Scholz, B.** Vorwort. In: Russische Grammatick. Verfasset von Herrn Michael Lomonossow. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. München, Otto Sagner Verlag, 1980, S. 3. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 27).

⁴ О статусе и функционировании переводческих дублетов в европейских языках подробнее см. в [Соломоновская, 2019].

- Horbatsch, O.** (Hrsg.) Adelphotos. Die erste gedruckte griechisch-kirchenslavische Grammatik. L'viv-Lemberg 1591. München, Kubon & Sagner, 1973, 217 S. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 2)
- Horbatsch, O.** (Hrsg.) Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho, Kremjaneć, 1638: eine gekürzte Fassung der kirchenslavischen Grammatik von Meletij Smotryčkyj. München, Kubon & Sagner, 1977. 120 S. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 11)
- Kopiewitz, E.** Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis sclavonico-rosseanae adornata. Studio, atque opera Eliae Kopiewitz Seu de Hasta Hastennii. Amstelodami, e typogr. auctoris, 1700. 507 c.
- Lomonoŝow, M.** Rußische Grammatick. Aus dem Rußischen überfetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg, Gedruckt bey der Kayserlichen Academie der Wißenschafften, 1764, 383 S.
- Grasshoff, H., Lehmann, U.** (Hrsg.). Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. In 2 Bd. Berlin, Akademie-Verlag, 1968, Bd. 2, 492 S.
- Walther, J. G.** Muficalisches Lexicon, oder Muficalische Bibliothec. Leipzig, Verlegts Wolffgang Deer, 1732, 659 S.

References

- Akhmanova, O. S.** Dictionary of linguistic terms. Moscow, URSS, 2004, 576 p. (in Russ.)
- Bulich, S. K.** Introduction. In: August Ludwig Schlözer. Rufzische Sprachlehre. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1904, pp. I–IX. (in Russ.)
- Bußmann, H.** Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, Alfred Kröner Verlag, 2002, 783 S.
- Dictionary of the Russian Academy. In 4 parts. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1792, pt. 3, 761 p. (in Russ.)
- Freidhof, G., Scholz, B.** Vorwort. In: Russische Grammatick. Verfasset von Herrn Michael Lomonossow. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. München, Otto Sagner Verlag, 1980, S. 3. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 27).
- Grasshoff, H., Lehmann, U.** (Hrsg.). Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. In 2 Bd. Berlin, Akademie-Verlag, 1968, Bd. 2, 492 S.
- Grigorieva, L. N.** The main lines of comparison of M. V. Lomonosov's "Russian grammar" and its translation into German. In: Zelenschchikov, A. V. (ed.) 43th International Philological Conference. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2014, iss. 18: Section of grammar (Romano-Germanic cycle), pp. 34–39. (in Russ.)
- Horbatsch, O.** (Hrsg.) Adelphotos. Die erste gedruckte griechisch-kirchenslavische Grammatik. L'viv-Lemberg 1591. München, Kubon & Sagner, 1973, 217 S. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 2)
- Horbatsch, O.** (Hrsg.) Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho, Kremjaneć, 1638: eine gekürzte Fassung der kirchenslavischen Grammatik von Meletij Smotryčkyj. München, Kubon & Sagner, 1977. 120 S. (Specimina philologiae Slavicae, Bd. 11)
- Ivanov, A. V.** Metalanguage of phonetics and metrics. Arkhangelsk, Pomor State Uni. Press, 2004, 342 p. (in Russ.)
- Ivanov, A. V.** *Udareniye: Diachronic and Lexicographic Description of the Linguistic Term and Its Breaking Away from the Greek and Church Slavonic Tradition. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 48–67. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-48-67
- Ivanov, A. V., Ivanova, R. A.** Semantic structure of the term accent and its derivatives in historical-etymological and lexicographic aspects. *Cognitive Studies of Language*, 2021, vol. 3 (46), p. 855–862. (in Russ.)
- Kopiewitz, E.** Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis sclavonico-rosseanae adornata. Studio, atque opera Eliae Kopiewitz Seu de Hasta Hastennii. Amstelodami, e typogr. auctoris, 1700, 507 p.

- Lomonosov, M. V.** Russian grammar. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1755, 213 p. (in Russ.)
- Lomonoŝow, M.** Rußifche Grammatick. Aus dem Rußifchen überfetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg, Gedruckt bey der Kayferlichen Academie der Wißenfchafften, 1764, 383 S.
- Makeeva, V. N.** History of creation of M. V. Lomonosov's "Russian grammar". Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1961, 175 p. (To the 250th anniversary of the birth of M. V. Lomonosov: 1711–1961). (in Russ.)
- Solomonovskaya, A. L.** About Status and Functioning of Double Translations in European Cultural Space of Late Antiquity, Middle Ages and Early Modern Period. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 108–118. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-108-118
- Uspenskiy, B. A.** The first Russian grammar in the native language. Pre-Lomonosov period of Russian language studies. Moscow, Nauka, 1975, 232 p. (in Russ.)
- Uspenskiy, B. A.** (ed.) A. A. Barsov's "Russian grammar". Moscow, Moscow State Uni. Press, 1981, 776 p. (in Russ.)
- Vavilov, S. I.** (ed.) Scientific heritage. Natural Science series. Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1948, vol. 1, 835 p (in Russ.)
- Walther, J. G.** Muficalifches Lexicon, oder Muficalifche Bibliothec. Leipzig, Verlegts Wolffgang Deer, 1732, 659 S.

Информация об авторе

Андрей Владимирович Иванов, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Andrey V. Ivanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 15.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.03.2022; принята к публикации 20.04.2022
The article was submitted 15.11.2021;
approved after reviewing 20.03.2022; accepted for publication 20.04.2022*